

Татьяна Дмитриевна Венедиктова

К филологии творческого процесса: формы возможной коллаборации

Литературу можно рассматривать как сеть специфически организованных практик - отношений, интеракций, форм сотрудничества самого разного рода, в том числе педагогических. Модель литературной педагогики, которая родилась в XIX веке в рамках позитивистской культурной парадигмы, привычна нам и многими воспринимается как безальтернативная. Это - *филология готового текста*, транслирующая знание (историческое и теоретическое) об авторских текстах, отобранных и организованных в «канон». Парадоксально то, что собственно эстетическая сторона литературного текста, обусловленная не так его «выделкой», формальным совершенством, как субъективностью, эмоционально-чувственной природой и таким же воздействием, оттесняется при этом на периферию внимания. Есть основания думать, что мы движемся сегодня к *филологии творческого процесса*: смысл взаимодействия между обучающими и обучаемыми все более смещается от передачи знания - к усиленной циркуляции и рефлексии эстетического опыта. Этот сдвиг отвечает запросам информационной и креативной экономики, в которой знание превращается в массовый продукт, транслируемый по множеству каналов помимо школы, а индивидуальный опыт все шире осознается как ценное достояние. Традиционная «коллаборация» учителя и ученика в этом контексте переосмысливается: это уже не столько отношение иерархическое (между субъектом владеющим знанием и им не владеющим), сколько - мотивирующее, «обслуживающее» пробуждение творческого интереса и осознание личного потенциала. Этот процесс применительно к литературному образованию можно теоретизировать, апеллируя к парадоксальной фигуре «невежественного учителя» (Ж. Рансьер) и педагогике «присутствия» (Х.-У. Гумбрехт). Практический интерес с обозначенной точки зрения представляет «творческое письмо» (creative writing): это относительно недавнее «изобретение» все шире тиражируется в высшей школе, но еще не понято в своих возможностях. Нередко программы творческого письма рассматриваются как своего рода пристройка к «нормальной» филологии, курсы для желающих стать писателями (притом, что связь между обучением в программе и становлением в качестве профессионального беллетриста или поэта сомнительна). Важнее то, что в этой зоне происходит – или может происходить - интенсивное дисциплинарное строительство, позволяющее

расширить и переосмыслить перспективы литературоведения в целом - как области исследований и академического предмета.